

АЛЕКСАНДР СЕВЕР

**ПАВЕЛ
СУДОПЛАТОВ
ВОЛКОДАВ СТАЛИНА**

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

Жизнь замечательных разведчиков

Александр Север

Павел Судоплатов.

Волкодав Сталина

«Алисторус»

2017

УДК 929 Судоплатов П.
ББК 63.3(2)6-8 Судоплатов П.

Север А.

Павел Судоплатов. Волкодав Сталина / А. Север — «Алисторус»,
2017 — (Жизнь замечательных разведчиков)

ISBN 978-5-906995-17-9

Павел Судоплатов – легендарный советский разведчик-ликвидатор. Он лично уничтожил главу Организации украинских националистов Коновальца, который был учителем Бандеры; руководил операцией по ликвидации Троцкого; организовывал и координировал в НКВД-НКГБ разведку и диверсии за линией фронта в годы Великой Отечественной войны; громил бандеровское подполье после нее и участвовал в операции по похищению американских атомных секретов. А после смерти Сталина оказался «врагом народа» и 15 лет провел в лагерях. Известный историк Александр Север на основе архивных материалов представляет самую полную и правдивую биографию величайшего диверсанта XX века.

УДК 929 Судоплатов П.
ББК 63.3(2)6-8 Судоплатов П.

ISBN 978-5-906995-17-9

© Север А., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Городок провинциальный	8
Босоногое детство	9
«Мы наш, мы новый мир построим»	12
Боец Красной Армии	16
Из Никополя в Одессу	17
Снова боец Красной Армии	19
Глава 2. Пограничник и комсомольский работник	20
Пограничник	23
Мирная передышка	25
Глава 3. На службе в Украинском ГПУ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Север Павел Судоплатов. Волкодав Сталина

© Север А., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Смотри с высоких башен, и будет видна дорога.
М. Чорленис

Предисловие

Утром 27 августа 1996 года около здания, расположенного на территории «шестигранника» (Центрального военного клинического госпиталя ФСБ РФ), собралось множество людей. Все скромно одетые, с очень умными и рано постаревшими лицами. Многим из присутствующих за восемьдесят лет. На похороны своего командира пришли ветераны разведки и спецназа – нелегалы, партизаны, диверсанты. В годы Великой Отечественной войны они сражались в тылу врага за линией фронта. После ее окончания участвовали во множестве тайных боевых операций «холодной войны». Если бы они в тот день надели свои боевые награды, то вес присутствующих увеличился бы на тонну. Они настоящие герои, эти люди, но Родина любит их меньше, чем они ее¹.

А к человеку, с которым они пришли проститься, Родина отнеслась еще суровей. В тридцатые – пятидесятые годы прошлого века он сыграл одну из ключевых ролей в предотвращении братоубийственной войны на территории Украины, развязанной западно-украинскими националистами. В годы Великой Отечественной войны создал свыше двух тысяч разведывательно-диверсионных групп, некоторые из которых трансформировались в многотысячные партизанские бригады. После ее окончания участвовал в советском «атомном проекте» и руководил созданной на территории Западной Европы и Ближнего Востока разведывательно-диверсионной сетью.

Руководство СССР оценило его боевые заслуги перед Родиной специфично. Точно так же, как в 1937 году, когда в результате репрессий погибли лучшие люди страны. В августе 1953 года его арестовали и по сфабрикованному уголовному делу приговорили к пятнадцати годам тюремного заключения. Он полностью отбыл весь срок наказания. После освобождения в СССР о нем запрещено было вспоминать. О боевых подвигах его подчиненных в годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе было написано свыше пяти тысяч книг, но ни в одной из них вы не встретите имя их командира. В лучшем случае упоминается безымянный генерал.

Ситуация кардинально изменилась в середине девяностых годов прошлого века. В газетах начали появляться статьи об этом человеке, а затем, сначала на Западе, а потом и в нашей стране, была издана книга его воспоминаний «Разведка и Кремль»², сразу ставшая бестселлером. Многочисленные западные и отечественные читатели хотели услышать от одного из непосредственных участников подробности множества тайных операций Лубянки, начиная от убийства Льва Троцкого и заканчивая полным списком советских «атомных шпионов». Когда они удовлетворили свой информационный голод, то решили больше узнать и о самом рассказчике.

Фактически Павел Анатольевич Судоплатов прожил две непохожие друг на друга жизни.

Первая из них подробно и красочно описана в мемуарах «Разведка и Кремль», а также в «дневниковых материалах и расшифрованных магнитофонных записях»³, ставших основой его книг: «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год»⁴, «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы»⁵ и «Победа в тайной войне. 1941–1945 годы»⁶, – опубликованных

¹ Минкин А. Родина любила его меньше, чем он ее. // Новая газета, 1996 год, 30 сентября.

² Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996.

³ Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. – М., 2005., – С. 3.

⁴ Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – М., 2001.

⁵ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. – М., 2005.

⁶ Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. – М., 2005.

после 1996 года. О нем в своей книге «Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымысел о моем отце»⁷ рассказал его сын Андрей.

По прочтении этих книг вспоминается четверостишие Александра Твардовского, написанное им в 1943 году:

И скажут, честь воздав сполна,
Дивясь ушедшей были:
Какие были времена!
Какие люди были!⁸

Благодаря этим мемуарам стали известны подробности о многих (но не всех) операциях ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ СССР, в которых главный герой нашей книги принимал активное участие или руководил их проведением. В силу ряда объективных и субъективных причин Павел Анатольевич Судоплатов рассказал не обо всем, что с ним произошло за время службы на Лубянке. А попытки других людей дописать его биографию в ряде случаев привели к неточностям и ошибкам.

Вторая жизнь главного героя нашей книги лаконично и сухо отражена в многочисленных документах, рассекреченных лишь в последнее время. И в воспоминаниях тех, кто встречался с ним в разные годы его жизни. В них он предстает перед нами обычным человеком со своими достоинствами и недостатками.

И здесь вспоминаются строки, написанные еще в XI веке иранским математиком, астрономом, философом и поэтом Омаром Хайямом:

Мы источник веселья – и скорби рудник,
Мы вместилище скверны – и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, – многолик,
Он ничтожен – и он же безмерно велик⁹.

Мы расскажем о второй жизни Павла Анатольевича Судоплатова. Ее подробности отражены во множестве секретных документов. А они, в отличие от людей, лишь беспристрастно фиксируют происходящее и не пытаются приукрасить или очернить жизнь человека. Поэтому мы сознательно отказались от собственных комментариев изложенных в них фактов. Пусть каждый сам определит свое отношение к тому или иному поступку главного героя нашей книги.

⁷ Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова. Правда и вымысел о моем отце: В 2 кн. – М., 1998.

⁸ Твардовский А. Огонь.

⁹ Хайям О. Рубаи.

Глава 1. Городец провинциальный

*«Родился 7 июля 1907 года в уездном городе Мелитополе
Таврической губернии».*

У каждого из нас есть малая Родина – место, сыгравшее ключевую роль в нашей жизни, неважно, обозначено ли оно на географической карте и сколько людей жило по соседству. Там прошло наше детство и оттуда мы ушли во взрослую жизнь.

В биографии главного героя нашей книги провинциальный украинский город занимает особое место. Там он родился и прожил двенадцать лет голодного, но, наверное, счастливого и беззаботного детства. Оттуда он ушел на Гражданскую войну, много раз встречался с одетой в белый саван старухой с косой, был в белогвардейском плену, беспризорничал в Одессе...

И однажды он вернулся в родительский дом.

Босоное детство

Павел Анатольевич Судоплатов родился на Украине в городе Мелитополь 7 июля 1907 года в интернациональной семье (отец – украинец, а мать – молдаванка). Судьба его была предначертана заранее – трудиться всю жизнь в торговле или сфере обслуживания. Если повезет, то приказчиком в одной из 350 городских лавок, а если нет, то, как и отец, перебиваться случайными заработками на рынке. За свою жизнь Анатолий Судоплатов, а умер он в 1917 году от туберкулеза (как тогда принято было говорить – от чахотки), успел поработать разнорабочим, пекарем, булочником и официантом. Жена занималась ведением домашнего хозяйства и воспитанием пятерых детей. Семья жила бедно – арендовала двухкомнатную квартиру в маленьком одноэтажном доме, принадлежавшем домовладельцу Хроленко.

Спустя много лет Павел Анатольевич Судоплатов напишет о первых годах своей жизни так:

«...меня крестили в русской православной церкви на день Петра и Павла. Мое начальное образование включало в себя изучение Нового и Ветхого Завета и основ русского языка, поскольку в царское время преподавание украинского в школах запрещалось. Пользовались им лишь в качестве разговорного. До десяти лет, пока не умер отец, у меня было самое обычное детство. После его смерти заботы о семье легли на плечи матери и старшей сестры»¹⁰.

Следует кратко рассказать о необычной истории края, где прошли детские годы героя нашей книги. В древности причерноморские степи, где спустя много веков родиться Павел Анатольевич Судоплатов, населяли скифы. Потом их сменили сарматы, и затем в течение последующих веков через этот край прошли многие другие кочевые племена: гунны, авары, хазары, угры, печенег и торки. В X–XII веке значительно дольше других задержались в этих краях половцы, кочевья которых простирались на огромной территории между Дунаем и Волгой. Именно здесь в 1103 году на реке Сутень-Молочной русские князья разгромили половецкие вежи.

Татарское нашествие надолго превратило край в Дикое Поле, в котором не было никаких поселений. До семидесятых годов XVIII века Дикое поле оставалась незаселенным местом. Успехи русской дипломатии и оружия позволили начать колонизацию этих южных земель. Первыми поселенцами стали киргизы, переселенные сюда с Кавказа, хотя они вели кочевой образ жизни и только на зиму поселялись в аулы. Правительство Российской империи начало активное заселение этого края. В первую очередь сюда селят иммигрировавших из Западной Европы колонистов, а так же российских духоборов¹¹.

В начале XVIII века возникла Ново-Александровская слобода. В 1806 году в ней насчитывалось всего лишь семь хат. В 1814 году в слободе была построена первая деревянная церковь. Посетивший в тридцатые годы XIX века Ново-Александровку работник Днепровского уезда описывает ее как большую деревню, оживлявшуюся непрерывно идущими через нее многочисленными обозами. Вот это селение Ново-Александровка и было переименовано 7 января 1842 года в город Мелитополь.

Новому городу был предоставлен ряд льгот, в первую очередь купцам и мещанам. Началось активное строительство. Вот только основная масса населения проживала в землянках, а уездные учреждения первоначально были размещены в крестьянских домах.

¹⁰ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 11.

¹¹ Религиозное движение, возникшее в XVIII веке среди крестьян в нескольких губерниях Российской империи. Духоборы считали себя избранным народом, который призван созидать мир на земле. В основных положениях веры они расходились с официальным православием, поэтому их в России преследовали.

Неприветливо встретило местное население приехавших с учреждениями чиновников. Крестьяне ни за что не хотели принимать их в свои хаты. Пришлось пришельцам временно расположиться табором в новом уездном центре.

Зато заезжим купцам крестьяне были рады. Началось стремительное развитие торговли. Многочисленные богатые духоборческие села и немецкие колонии стали основным поставщиком различной сельскохозяйственной продукции. В силу своего географического положения Мелитополь оказался на пересечении торговых потоков между Крымом и центральной Россией.

В начале прошлого века в Мелитополе проживало около пятнадцати тысяч человек. Большинство из них, говоря современным языком, трудилось в сельском хозяйстве, торговле и в сфере обслуживания. Ежегодно в городе проводилось три ярмарки – Петропавловская, Казанская и Провидская, – на которые съезжались продавцы и покупатели со всей Таврической губернии¹². До Октябрьской революции город экспортировал за границу зерно, тонкорунную шерсть и скот. В Мелитополе функционировало несколько хлебных контор, банки и Общество взаимного кредита. Через эти учреждения местные и приезжие предприниматели совершали крупные оптовые сделки по купле-продаже различных партий товаров.

Была развита в городе и промышленность. Тридцать предприятий (завод братьев Классен – сельскохозяйственное оборудование, мастерские Лозово-Севастопольской железной дороги, винокуренные заводы Половцева, Хохловкина и др.) производили продукцию на сумму свыше двух миллионов рублей в год. Для сравнения – оборот городской торговли оценивался в 4,5 млн рублей в год.

В Мелитополе в 1895 году начала работать первая городская электростанция. Вырабатываемая ею электроэнергия поступала в частный театр, живописный летний сад; немного ее отпускалось для освещения центральных улиц города.

В конце XIX века в городе появился водопровод. Он оказался седьмым на Украине после двух киевских (артезианского и речного), одесского, юзовского (Донецк), бахмутского (Артемовск) и черниговского. Вот только пользоваться им могли лишь жители богатых кварталов – местные помещики и купцы. Центральные улицы Мелитополя к концу прошлого века были вымощены булыжником.

В городе работала больница, церковно-приходские школы¹³, реальное училище¹⁴ и женская гимназия. Если бы не Октябрьская революция, то Павел Анатольевич Судоплатов после окончания церковно-приходской школы мог бы попытаться поступить в реальное училище, но смена власти в стране повлияла на жизнь почти всех ее граждан, в т. ч. и главного героя нашей книги.

В 1830 году на центральной площади Мелитополя, вместо построенного ранее деревянного молельного дома, был возведен величественный храм Святого Александра Невского. К сожалению, в 1936 году этот памятник архитектуры был разрушен, и теперь о его красоте мы можем судить только по редким фотографиям. Бывал в нем и маленький Павлик Судоплатов вместе с родителями.

С утра до вечера на центральной площади города былолюдно, весь день вокруг храма торговали снедью и сельхозпродукцией, это было удобно всем. Вскоре площадь перед храмом

¹² Учреждена Екатериной Второй в 1784 году, в ее состав вошли Крымский полуостров и Тамань.

¹³ Начальные мужские одноклассные (двухгодичный срок обучения) и двухклассные (четырёхгодичный срок обучения) школы в дореволюционной России, существовавшие при церковных приходах. В одноклассных церковно-приходских школах преподавались закон божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати, письмо, арифметика; в двухклассных, кроме того, давались сведения из истории. Материал для чтения был религиозно-монархического содержания.

¹⁴ Неполное среднее или среднее учебное заведение, в учебном плане которого основное место отведено предметам естественно-математического цикла. Выпускники имели право поступать в технические, промышленные и торговые высшие учебные заведения, а также университеты.

получила название Базарной. Со временем на ней расположились и лошадиные торги, бойко шла торговля сельхозскотом, зерном, мукой и прочей сельхозпродукцией. Часто здесь бывал и герой нашей книги.

Жители Кручи (ныне окончание улицы Пушкина) всегда больше других пользовались дарами реки Молочной – она протекает рядом. А удовольствий на реке было много: зимой катание на коньках, летом – катание на лодках, ловля рыбы и раков и, конечно, купание, особенно для детей. Наилучшее место для купания было в полукилометре к востоку от конца улицы, там, где к реке подходят огороды вознесенцев. Имя этому месту – «Белый домик».

Под «Белым домиком» были отличные условия для купания и прыжков в воду: пологий спуск к реке, песчаное дно, ширина реки (до 50 метров), большая глубина и чистая вода. С восточной, Вознесенской, стороны был крутой обрыв, откуда с трехметровой высоты, разогнавшись, прыгали в воду купальщики. Среди них был Павлик Судоплатов.

Рядом с пляжем, на излучине реки, по левую руку высился двухэтажный беленный известью дом. Он был небольшой, без архитектурных затей – не чета многим современным «хатынкам» на дачных участках. Дом был виден издали, особенно с возвышенности, и во все времена всеми назывался «Белым домиком». Вокруг был обширный сад и виноградник, предмет вожделения детей-купальщиков.

«Мы наш, мы новый мир построим»

Первая мировая война, а затем Февральская революция почти не отразились на политической жизни города. Новости из столицы Российской империи доходили сюда с опозданием. Мелитополь продолжал жить размеренной и сонной провинциальной жизнью. Обстановка начала медленно меняться к осени 1917 года. Домой начали возвращаться распропагандированные большевиками солдаты царской армии. В отличие от военнослужащих запасных частей, всю войну проводивших в Петрограде, фронтовики были настроены менее радикально. В большинстве своем они не ратовали за смену политического строя, а просто хотели отдохнуть от тягот окопной жизни. Поэтому захват власти большевиками в городе прошел как-то буднично и почти не отразился на жизни обывателей. Хотя это было затишье перед кровавой бурей.

В семье Судоплатовых 1917 год был связан с личной трагедией – умер ее глава, и вся тяжесть заботы о подрастающих детях легла на вдову и ее старшую дочь. А вот рассчитывать на помощь сыновей матери не приходилось. В 1918 году Николай Судоплатов вступил в одну из городских частей Красной Гвардии, а в 1920 году стал бойцом войск внутренней охраны республики (ВОХР), которые в годы Гражданской войны вместе с частями Красной Армии сражались на фронте. В 1922 году он служил в пограничных войсках и погиб на советско-польской границе.

В автобиографии, написанной в ноябре 1946 года, главный герой нашей книги сообщил сведения о судьбе своих братьев и сестры:

«Надежда по профессии бухгалтер, работает в системе Министерства медицинской промышленности в Москве... Старший брат Григорий, член ВКП(б), после демобилизации из Красной Армии, в январе 1946 года, вернулся на хозяйственную работу и в настоящее время является директором Киевского консервного завода Министерства пищевой промышленности СССР. Младший брат Константин – член ВКП(б) работает сейчас зам. нач. отделения Управления МГБ по Московской области»¹⁵.

Занятые борьбой за выживание члены семьи Судоплатовых мало обращали внимание на события, происходящее за пределами Мелитополя. Как и большинство горожан, к политике они подходили с практической позиции. Их в первую очередь интересовало собственное благополучие, а не стремление большевиков построить новое общество.

А между тем на Украине события развивались стремительно. В Киеве 20 ноября 1917 года Центральная рада провозгласила Украинскую народную республику (УНР) в составе России. Прошедший в Харькове в декабре 1917 года Первый всеукраинский съезд Советов объявил Центральную раду вне закона и 25 декабря 1917 года провозгласил Украинскую социалистическую советскую республику со столицей в Харькове. В декабре 1917 года – январе 1918 года на территории Украинской народной республики большевики смогли установить советскую власть в Одессе, Полтаве, Кременчуге, Николаеве, Херсоне и других городах. В этих условиях Центральная рада 24 января 1918 года объявила Украинскую народную республику независимой от Советской России. Реакция Москвы на это событие последовала незамедлительно. В Киеве 8 февраля 1918 года была провозглашена советская власть. Еще до этого события, в январе 1918 года, образована Донецко-Криворожская советская республика и Одесская советская республика; в феврале советская власть утвердилась по всей Украине (за исключением части Волыни, куда бежала Центральная рада).

Сам Павел Анатольевич Судоплатов вспоминал о том периоде так:

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 5.

«Мое восприятие событий того времени можно считать типичным для семей с низким достатком, которым нечего было терять. Вполне естественно, я всей душой поверил, прочтя написанную Бухариным “Азбуку революции”, что общественная собственность будет означать построение справедливого общества, где все будут равны, а страной будут управлять представители крестьянства и рабочего класса в интересах простых людей, а не помещиков и капиталистов»¹⁶.

Между тем пламя Гражданской войны разгоралось с удвоенной силой. В феврале – апреле 1918 года германо-австрийские войска оккупировали почти всю территорию Украины, где была вновь восстановлена (согласно статье VI «Мирного договора» от 3 марта 1918 года («Брестский мир»)) Украинская народная республика. Также, согласно указанной статье, Россия должна была вывести свои войска с территории Украины и «прекратить всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Украинской Народной Республики». Хотя УНР просуществовала недолго. В результате военного переворота (при поддержке Германии) 29 апреля 1918 года власть в стране захватил бывший генерал-лейтенант российской армии и гетман Украины Петр Павлович Скоропадский. Новый правитель страны разогнал Центральную Раду, упразднил УНР и ввел на Украине единоличное диктаторское управление. Хотя он продержался у власти недолго. В декабре 1918 года диктатор был вынужден подать в отставку и эмигрировать в Германию. А 26 декабря 1918 года Украинская держава была сменена Украинской народной республикой.

В декабре 1918 года, из-за революционных событий в Германии и Австро-Венгрии, капитуляции Германии перед державами Антанты и аннулирования правительством РСФСР Брестского договора, войска Украинской советской армии перешли в наступление на Черниговском, Киевском, Сумском и Харьковском направлениях. Первоначально наступление развивалось успешно. Например, в январе 1919 года удалось захватить Харьков.

Наступивший 1919 год принес на Украину огонь новых сражений. 4 января по постановлению Реввоенсовета Республики (РВСР) на базе войск Украинской советской армии был образован Украинский фронт под командованием Владимира Александровича Антонова-Овсеенко. Войскам фронта противостояли воинские формирования правительства Украинской Директории, сменившей в ноябре 1918 года режим гетмана Петра Павловича Скоропадского, войска белогвардейского генерала Антона Ивановича Деникина и Антанты, захватившие Крым и ряд южных губерний Украины. Части германо-австрийских интервентов спешно покидали украинскую территорию, избегая боевых столкновений с соединениями обеих противоборствующих сторон.

Кровавая круговерть Гражданской войны не обошла стороной и провинциальный Мелитополь. Все события 1918 – начала 1919 годов с калейдоскопической быстротой промелькнули перед глазами одиннадцатилетнего Павлика Судоплатова.

Он видел, как в город входили колонны кайзеровских солдат в тяжелых стальных шлемах, с плоскими штыками, примкнутыми к винтовкам. Населению было объявлено, что германская военная администрация не потерпит каких то бы ни было беспорядков и саботажа, но будет приветствовать дисциплину и хорошую работу. На перекрестках появились солдатские патрули, тупорылые шестидюймовые гаубицы, станковые пулеметы. По улицам, пугая обывателей своим чудовищным видом, разъезжали тяжелые броневики «Бюссинг», а по ночам близ города стучали винтовочные выстрелы. Это в Волчьей балке интервенты расстреливали тех, кого подозревали в связях с большевиками либо в саботаже. И на какое-то время немецкое лязгающее слово «орднунг» – порядок – стало одним из самых популярных слов в Мелитополе.

¹⁶ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996., – С. 11.

Следом за германскими войсками в городе появились гайдамаки гетмана Скоропадского: щирые дядьки и гарные парубки в высоких папахах, широких шароварах и синих жупанах, с головы до ног увешанные холодным и огнестрельным оружием. Они курили громадные люльки (трубки), пили горилку, закусывали салом, клялись в своей преданности и любви к неньке Украине, ненавидели кацапов-москалей, коммунистов, жидов и вскоре после своего появления устроили в городе еврейский погром.

Жизнь в Мелитополе и ближайших окрестностях стала беспокойной и опасной. Ночами, а нередко и днем, на улице слышались звуки выстрелов и даже взрывы ручных гранат. Обыватели шептались о действующем большевистском подполье, отрядах красных партизан, оперирующих в районе Молочного лимана, и появившейся в окрестностях города крупной банде какого-то батьки Шкворня, готового, как утверждала людская молва, жидов живьем есть.

Вскоре Мелитополь покинул германский гарнизон. Немцы дисциплинированно и четко, вместе с броневиками и пушками, выступили к железнодорожной станции Веселое, где погрузились в эшелон и убыли в западном направлении.

А после их ухода власть в городе менялась часто. Город по очереди захватывали банды «зеленых». В январе 1919 года в Мелитополе дислоцировалась 5-я дивизия формирующейся Крымско-Азовской Добровольческой армии.

А затем, вначале неразборчиво и глухо, но скоро отчетливо и ясно, мелитопольцы услышали гул орудийной канонады. Это вела наступление Харьковская группа войск Украинского фронта. Через город потянулись отступающие части петлюровцев. В конце февраля 1919 года их отступление превратилось в паническое бегство. «Тикайте, хлопцы, красные рядом!» – орала петлюровцы, нахлестывая лошадей, запряженных в тачанки. Из подворотен им в спины стреляли подпольщики-большевики. Подстреленные валились на мостовую под копыта коней и колеса тачанок.

И наконец, в ясный мартовский день 1919 года в Мелитополь вошли бойцы Украинского фронта. Население, натерпевшееся страху от кайзеровской солдатни, громил Скоропадского и Петлюры, многочисленных банд, встречало их с ликованием. В толпе ликующих жителей городка находился и Павел Судоплатов. Мальчик с восхищением смотрел на кавалеристов с красными ленточками, вплетенными в гривы коней и нашитыми на мохнатых папахах, усталых пехотинцев и лихих черноморских моряков, перекрещенных пулеметными лентами и увешанных ручными гранатами¹⁷. Хотя советская власть в Мелитополе просуществовала недолго.

Мы не будем подробно освещать ход боевых действий на Украине в 1919 году. Отметим лишь, что после серии весенних побед к первым числам июня 1919 года советские армии Южного фронта оказались в крайне тяжелом положении. Армии разрозненно отходили на новые рубежи в расходящихся направлениях. В частности, 2-я Украинская советская армия – на запад, на Екатеринославском направлении; 13-я на северо-запад, к Купянску; 8-я – на север, на Воронежском направлении; 9-я – на северо-восток, на Балашовском направлении; 10-я – на северо-восток, на Царицынском направлении; 11-я Отдельная армия отходила к Астрахани.

В эти тревожные дни в Мелитополе был объявлен набор добровольцев в Красную Армию. На улицах города появились воззвания и плакаты. На последних, изготовленных местной художественной артелью, был изображен изможденный персонаж в красноармейской форме, которого душил свирепый громила в золотых погонах. «Товарищ, помоги братьям по классу!» – гласила подпись.

Однако пункт записи добровольцев, расположенный в здании ревкома, оставался пустым. Городские обыватели к воззваниям и красочным плакатам отнеслись равнодушно. Оказать помощь братьям по классу изъявило желание около сорока человек, среди них парочка лохма-

¹⁷ Стечкин В. Павел Судоплатов – терминатор Сталина. – М., 2005. – С. 24–26.

тых студентов-недоучек, несколько темных личностей, похожих на уголовников, и двое-трое хитрых мужичков из пригородных сел¹⁸.

Советская власть в городе продержалась недолго. Уже в конце мая 1919 года белогвардейский Сводно-гвардейский полк под командованием полковника Лукошко пытался захватить Мелитополь. Хотя тогда эта попытка закончилась поражением. Еще не подозревая о будущей катастрофе, руководство советской Украины 19 июня 1919 года объявило о создании мелитопольской губернии. Вот только стремительное наступление белогвардейцев заставило отказаться от этой затеи. Уже в июле 1919 года из города срочно пришлось эвакуировать представителей местной советской власти. Вместе с ними ушли все активисты, справедливо опасавшиеся репрессий со стороны новых, белогвардейских, властей. Теперь уже никого не требовалось зазывать в ряды Красной Армии, желающих было много. Вот только новые сформированные части были небоеспособны – не было времени на обучение новых бойцов, да и с оружием возникали проблемы. Не хватало его на всех.

¹⁸ Стечкин В. Павел Судоплатов – терминатор Сталина. – М., 2005. – С. 36–37.

Боец Красной Армии

Юный Павлик Судоплатов дважды убежал из дома, чтобы тоже с оружием в руках защищать власть рабочих и крестьян. Живущим в начале XXI века сложно понять мотивы этого поступка. Сейчас дети тоже иногда уходят из дому, но совершают такой радикальный поступок не ради защиты власти. А в годы Гражданской войны множество подростков сражалось по разные стороны баррикад, вместе с взрослыми отстаивая право на жизнь. Одни – на жизнь, где не было богатых, а другие – где бедных. Обе попытки для главного героя нашей книги оказались неудачными. В одном случае он сам вернулся обратно, а в другом его прогнал домой хмурый комиссар одной из красных частей, напутствовав словами: «Сначала, шегол, подрасти»¹⁹.

Свою боевую биографию он отсчитывал с 26 июня 1919 года. В тот день двенадцатилетний мальчик вместе со своим приятелем стоял в длиннющей очереди за хлебом и болтал о всевозможных мальчишеских пустяках²⁰. Внезапно тревожную и тихую атмосферу провинциального города нарушил цокот копыт, скрип колес подвод и топот множества бредущих людей. По центральной улице Мелитополя двигались отступающие части 2-й Украинской советской армии.

Бойцы шли без строя, смертельно уставшие, многие в кровавых бинтах и грязной, изодранной форме. Некоторые из них срывали свою злость на мелитопольцах интеллигентного вида. Особо нервные бойцы, под одобрительные реплики из рядов отступающих, кулаками и прикладами били подвернувшихся под горячую руку горожан.

На подводах везли раненых красноармейцев. Одни лежали с закрытыми глазами, безучастные ко всему. Другие стонали, плакали и материли остановившихся возниц:

– Трогай, шкура, чего встал! Золотопогонным нас оставить хочешь?!

Рысью шла конница. С грохотом проносились тачанки и артиллерийские упряжки. Пара медлительных волов тащила заглохший броневик.

– Цоб, цоб-цобе, – подгонял животных водитель бронемашины, одетый, несмотря на жару, в кожаные краги, тужурку и галифе²¹.

Вместе с уходящими мелитопольскими рабочими город покинул Павел Судоплатов²². Вот так он ушел в новую жизнь. Об этом эпизоде своей жизни в одной из автобиографий он написал так:

«Километрах в 30 от города, в с. Веселое, комиссар сделал было попытку вернуть меня домой, но из этого ничего не получилось. Я удрал и от него в роту, и бойцы оставили меня у себя. Так дошел вместе с рабочими до города Никополь Запорожской области. В городе Никополе из мелитопольцев был сформирован 1-й Мелитопольский рабоче-крестьянский полк, влитый позже в 5-ю заднепровскую дивизию и переименованный в 1-й ударный полк. В составе полка был и я. В этой же дивизии, в 1-м и 2-м ударных полках одновременно, как позже выяснилось, служил и мой старший брат Николай, впоследствии пограничник, погиб в 1922 году на польской границе»²³.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 6.

²⁰ Шарапов Э. Судоплатов против Канариса. – М., 2004. – С. 184.

²¹ Стечкин В. Павел Судоплатов – терминатор Сталина. – М., 2005. – С. 38.

²² Шарапов Э. Судоплатов против Канариса. – М., 2004. – С. 184.

²³ РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 6.

Из Никополя в Одессу

В Красной Армии главный герой нашей книги успел прослужить лишь несколько дней. Слабо вооруженный и необученный 1-й ударный полк в районе Карнауховских хуторов был разгромлен частями 3-го кубанского казачьего корпуса генерала Андрея Григорьевича Шкуро. Казачья сотня зашла в тыл полка и, развернувшись в лаву, обрушилась на плохо обученных красноармейцев. Не выдержав стремительного удара, красные обратились в паническое бегство.

Вместе со всеми бежал и Павел Судоплатов. Сзади их неотвратимо настигал конский топот, гиканье и свист казаков. От неминуемой смерти его спасло то, что он с группой однополчан успел ссыпаться в глубокую вымоину, поросшую густым ивняком. Казаки, увлеченные преследованием основной массы бегущих, не останавливаясь, проскакали мимо их убежища. До слуха притаившихся бойцов доносилась беспорядочная стрельба и дикие вопли – в степи шла безжалостная рубка отступающих.

Сначала красноармейцы решили, что спаслись, но они ошиблись. Через короткое время вокруг вымоины послышался конский топот и бряцанье оружия. Поняв бессмысленность сопротивления, бойцы сдались без боя. Просто вылезали наверх и кидали винтовки. Опьяненные легкой победой казаки не стали убивать пленников на месте, а погнали пленных в Карнауховские хутора, где заперли в каком-то амбаре.

Кубанская сотня, занимавшая Карнауховские хутора, устроила грандиозную попойку. Несколько часовых, охранявших пленных, слушая пьяный смех и песни своих боевых товарищей, долго вздыхали, кряхтели и зло матерились. В конце концов, они не вытерпели и, бросив пост, поспешили к ближайшей хате, где шла бурная гулянка.

Воспользовавшись отсутствием охраны, пленные прорыли подкоп, через который выбрались на свободу и скрылись в степи. В ночной темноте главный герой нашей книги отбил от своих однополчан и остался один (в дальнейшем он больше никогда не встретится с ними).

Рассвет застал главного героя нашей книги у подножия кургана, буйно поросшего ковылем. Поднявшись на его вершину, он огляделся: вокруг простиралась бескрайняя степь. Мальчик решил идти в Никополь, рассчитывая там присоединиться к остаткам своего полка. Приблизительно прикинув нужное направление, юный боец смело отправился в путь. Ближе к вечеру он вышел на широкий тракт. Покосившиеся телеграфные столбы с оборванными проводами точно указывали, в какой стороне находится город.

Павел не знал, что переходит линию фронта, которая во времена гражданской войны являлась условным понятием. Из-за гряды невысоких холмов глухо доносились артиллерийские раскаты, пулеметные очереди, но тракт, до самого горизонта, был пустынен. Однако брошенные повозки, опрокинутая тачанка, трупы лошадей, стреляные гильзы и лужи запекшейся крови говорили о том, что ночью или ранним утром на дороге шел горячий бой. Ориентируясь по столбам, он пошел в Никополь. По пути он встретил несколько красноармейцев из разбитого 1-го ударного полка и уже вместе с ними попал в город.

В Никополе красноармейцев из разгромленных частей влили во 2-й ударный полк 5-й Заднепровской дивизии. Снова процитируем строки автобиографии главного героя нашей книги:

«В этот же период я встретил Николая. Из Никополя, когда туда стали подходить белые, нас эвакуировали, помню, в Кременчуг, по дороге помню я чем-то болел, затем мы попали в Николаев и оттуда в Одессу. Это уже было, кажется, осенью. В Одессе я брата Николая потерял из вида, после того как он в составе одного отряда командованием одес-

ского гарнизона был брошен на 16-ю станцию под Одессой для ликвидации высадившегося там десанта белых. С тех пор до 1922 года я считал Николая погибшим»²⁴.

Здесь главный герой нашей книги немного ошибся с датой захвата Одессы. Противник 10 августа 1919 года произвел высадку двух спешенных эскадронов драгун в районе Сухого лимана, без выстрела захватив оружейную батарею. Сразу после этого успеха последовала высадка еще пяти спешенных эскадронов, и белогвардейские части начали движение на Одессу.

Ликвидировать белый десант не удалось. Противник, при поддержке корабельной артиллерии крейсера «Генерал Корнилов», опрокинул красные части и повел наступление непосредственно на город. «Вся Одесская операция была проведена быстро и решительно. Несмотря на очень большой гарнизон, город был взят с минимальными потерями и с большой военной добычей», – отметит в своих воспоминаниях подпоручик конной артиллерии Василий Матов.

О своем пребывании на оккупированной территории в своей автобиографии Павел Анатольевич Судоплатов пишет скупно:

«Белые заняли Одессу. Я в ней оставался до прихода частей Красной Армии, т. е. до февраля-марта 1920 года. За время пребывания белых в Одессе я жил как мог: беспризорничал, некоторое время плавал на паруснике по линии Одесса – Херсон, шатался в порту, на базаре»²⁵.

В автобиографии ничего не сказано о его попытках установить связь с одесским подпольем. Хотя отдельные авторы утверждают, что такие попытки он предпринимал регулярно, вот только все они закончились неудачей²⁶.

Ради исторической справедливости отметим, что большевики не планировали оставлять город и поэтому заранее не позаботились о формировании работоспособных подпольных структур. А срочно созданные резидентуры пришлось распустить «вследствие внутренней провокации и шантажа». В городе действовала Одесская подпольная ГубЧК, но работа этой организацией велась слабо, так как значительное время ушло на подбор «честных работников, которых в Одессе мало, хотя при отступлении... оставалось много коммунистов». Чуть активнее действовали украинские левые эсеры и дружинники одесского комсомола.

Нужно отметить один малоизвестный факт. Для ведения подпольной работы большевикам были оставлены значительные средства, около 15 миллионов рублей. Более того, Москва регулярно присылала курьеров с деньгами. Например, в декабре 1919 года в партийную кассу поступило 500 тысяч рублей. За этими деньгами охотились не только местные бандиты, но и отдельные члены партии. Как отмечалось в отчете подпольного комитета КП(б)У, составленном после освобождения Одессы, «работа протекала в весьма трудных, ненормальных условиях: непрерывная провокация, шантажи и вымогательство, в большинстве провокация и вымогательство идут от членов партии из-за средств»²⁷. Так что в такой ситуации подпольщикам было просто не до приема в организацию новых членов.

А 7 февраля 1920 года Одесса вновь стала советской.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 7–8.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 8.

²⁶ Стечкин В. Павел Судоплатов – терминатор Сталина. – М., 2005. – С. 40–47.

²⁷ Папчинский А. А., Тумшис М. А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. – М., 2001. – С. 47, 48, 49.

Снова боец Красной Армии

В феврале 1920 года Павел Судоплатов вновь вступил в ряды Красной Армии, на этот раз – в роту связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й советской армии. В составе этого соединения он сражался во время советско-польской войны.

Это воинское подразделение участвовало в январе-феврале 1920 года в разгроме войск Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России Антона Ивановича Деникина в нижнем течении реки Днестр, затем в обороне Черноморского побережья и Днестра.

В апреле-июне 1920 года дивизия участвовала в боях с белополяками в районе среднего течения реки Днестр, а также в боях против банд петлюровского атамана Юрко Тютюнника; в июне-июле – вела наступление в районе Волочиск – Кременец – Каменец-Подольский; в июле-августе – участвовала в форсировании рек Збруч, Серет, Золотая и Гнилая Липа и освобождении городов Тереховль, Чертков, Галич, Рогатин.

После отступления советских войск из-под Варшавы в августе-сентябре 1920 года 41-я дивизия отошла в район Каменец-Подольского, в районе которого участвовала в ликвидации петлюровских отрядов.

А 21 декабря 1920 года потерявшая в кровопролитных боях часть личного состава 41-я дивизия была сведена в бригаду и влита в 44-ю дивизию 12-й армии, а с января 1921 года вошла в состав Киевского военного округа²⁸ под названием 44-я Киевской советской дивизии.

Это подразделение «специализировалось» на борьбе с антисоветскими националистическими формированиями. Например, зимой 1920–1921 года бойцы дивизии сражались с членами отрядов (численность 300–400 человек) атамана Ильи Струка. В апреле-июне 1921 года атаман еще громил советские учреждения и еврейские местечки на Киевщине. Главными «операциями» Струка тогда стали захваты речных пароходов, что курсировали по Днепру. Было захвачено более двадцати пароходов и столько же барж, буксиров, причем операции сопровождалось зверским уничтожением пассажиров – евреев, коммунистов, красноармейцев. Последний раз «банда Струка» упоминается в документах в октябре 1922 года в связи с погромом в Мартыновской волости, в ходе которого было убито 80 евреев. В эти месяцы банда состояла всего из 30–50 человек²⁹.

²⁸ Стечкин В. Павел Судоплатов – терминатор Сталина. – М., 2005. – С. 48.

²⁹ Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. – Харьков – Москва, 2000. – С. 254–255.

Глава 2. Пограничник и комсомольский работник

«С мая 1921 года – письмоводитель, регистратор, машинист-систематизатор ОО 44-й дивизии, а затем Вольнского губернского отдела ГПУ, в городе Житомире...»

После окончания советско-польской войны 1920 года главный герой нашей книги мог бы и дальше служить в Красной Армии, сделав карьеру в качестве строевого офицера или политработника (его планировали отправить на ускоренные курсы политработников в Киеве), если бы не случай, который кардинально изменил всю его дальнейшую жизнь.

Существует две трактовки произошедших тогда событий. Первую версию Павел Анатольевич Судоплатов рассказал в уже упоминавшийся выше книге «Разведка и Кремль».

В мае 1921 года сотрудники Особого отдела дивизии попали в засаду, устроенную украинскими националистами, и понесли значительные потери. В Особом отделе срочно требовалось заменить погибших телефониста и шифровальщика. Было принято решение направить на их место главного героя нашей книги, как наиболее подготовленного для этой должности. «Так я был послан на работу в органы госбезопасности. Это и было началом моей службы в ВЧК-КГБ» – позже напишет он в своих воспоминаниях³⁰.

А вот в автобиографии, датированной ноябрем 1946 года, можно прочесть такой абзац:

«В мае 1921 года Комдивом 44-й (41-я дивизия волилась в 44-ю), после безуспешной попытки органов политотделов определить меня куда-либо на учебу в Киеве, меня направили на работу в Особый отдел 44-й дивизии в городе Житомире. Так началась моя служба в органах ЧК»³¹.

На самом деле процедура приема на работу в органы ВЧК и на службу в войска ВЧК была значительно сложнее, чем можно решить, прочтя два предыдущих абзаца. В Инструкции ВЧК от 21 мая 1921 года указывалось, что для приема в чекистские органы необходимо подать заявление о приеме, заполнить специальную анкету, представить справку с последнего места работы или службы с указанием причин увольнения или перевода, предъявить справку о состоянии здоровья и рекомендации двух членов партии, проработавших в ВЧК не менее одного года³². Хотя описанный порядок приема на службу в органы госбезопасности часто нарушался.

Существовал еще и негласный принцип кадровой политики, сформированный Феликсом Дзержинским и одним из основателей ВЧК Мартином Лацисом. Последней любил повторять: «Белая гвардия состояла из учащейся молодежи, офицеров, учительства, лиц свободных профессий и прочих мелкобуржуазных элементов»³³. Понятно, что этим людям доступ в органы ВЧК был строго ограничен. Даже если они и сумели попасть на службу в органы в начале двадцатых годов прошлого века, то к 1937 году их все равно (за редким исключением) изгнали бы из НКВД. Павел Анатольевич Судоплатов не попадал ни под одну из этих категорий.

А «Железный Феликс» был более прямолинеен:

«Если приходится выбирать между безусловно нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но очень способным, – у нас, в ЧК, необходимо оставить первого... вся суть по-моему, в подборе людей безусловно честных всех и, где нужно, умных»³⁴.

³⁰ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 12.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17., оп. 100, д. 247610, л. 8.

³² Плеханов А. ВЧК-ОГПУ. 1921–1928 годы. – М., 2003. – С. 198–199.

³³ Дубовой И. The best of Рабфак. // БелГазета, 2006 год, 13 февраля, № 6 (525).

³⁴ Плеханов А. ВЧК-ОГПУ. 1921–1928 годы. – М., 2003. – С. 199.

В случае с главным героем нашей книги произошло совпадение. С одной стороны, он был «нашим», а с другой – способным техническим сотрудником. Да и анкетные данные у него были великолепные. В царской армии на офицерских должностях не служил, социальное происхождение – пролетариат.

В начале двадцатых годов прошлого века органы госбезопасности испытывали острый «кадровый голод». Реальная жизнь чекиста начала двадцатых годов прошлого века отличалась от той, что так красочно и романтично демонстрировалась в многочисленных советских книгах и фильмах. В начале двадцатых годов прошлого века желающих служить на Лубянке было значительно меньше, чем принято считать. Да и образ честного, сытого и здорового комсомольца в кожаной тужурке с наганом на поясе, успевающего не только разоблачать многочисленных врагов советской власти, но и заниматься культмассовой работой среди населения, а также влюбляться, – это миф, созданный стараниями многочисленных советских писателей и кинематографистов.

Реальная жизнь любого чекиста, начиная от технического работника и заканчивая членом коллегии ВЧК, была суровым испытанием, которое выдерживали немногие.

Материальное обеспечение чекистов, мягко говоря, было мизерным. Со своей невысокой зарплаты (а ее регулярно задерживали на несколько месяцев) сотрудники Лубянки делали многочисленные отчисления для «красных» инвалидов, детских домов, для ликвидации последствий голода, в фонды помощи бастовавшим немецким и японским рабочим, для нужд Общества друзей воздушного флота (ОДВФ), Международной организации помощи революционерам (МОПР), а также обществ ликвидации технической неграмотности, Добрыху и другим.

В 1921–1922 годах чекисты регулярно голодали из-за проблем с получением и приобретением продуктов. Например, с членом коллегии ВЧК Глебом Ивановичем Бокией однажды случился голодный обморок. В течение двух дней «он не держал во рту даже маковой росинки», а пил пустой морковный чай. А другому чекисту, Михаилу Абрамовичу Трилиссеру (начальнику закордонной части Иностранного отдела ВЧК), малый президиум Петроградского губисполкома 18 мая 1921 года отказал в просьбе «выделить родителям одну бутылку молока».

Летом 1922 года положение в ряде районов страны стало критическим. Из войск и органов ГПУ начался массовый уход. Основные причины: тяжелое материальное положение, ненормированный рабочий день и т. п.

Если говорить о ситуации на Украине, где в то время служил главный герой нашей книги, то ситуацию прекрасно иллюстрирует письмо председателя ГПУ республики Василия Манцева Феликсу Дзержинскому, датированное 5 июля 1922 года.

В нем руководитель украинских чекистов сообщает о бедственном положении своих подчиненных: денежное довольствие и продовольственный паек мизерны, сотрудники живут за счет продажи на рынке своих вещей, находятся:

«...в состоянии перманентного голодания. На этой почве происходит общее понижение работоспособности, настроение сотрудников озлобленное, дисциплина падает... зафиксирован ряд самоубийств на почве голода и крайнего истощения... Я лично получаю письма от сотрудниц, в которых они пишут, что вынуждены заниматься проституцией, чтобы не умереть с голоду. Арестованы и расстреляны за налеты и грабежи десятки, если не сотни сотрудников, и во всех случаях установлено, что идут они на разбой из-за систематической голодовки. Бегство из чека повальное... Мы штаты уже уменьшали процентов на 75. Что же еще сокращать? Имеем ли мы право делать это? ...есть один выход, чтобы государственная власть поняла, наконец, что такие учреждения, как чека, необходимо удовлетворять полностью, чтобы даны были совершенно удовлетворительные кредиты».

И Василий Манцев просил так поставить вопрос перед высшими органами власти:
«Если чека не нужна, то об этом нужно сказать прямо и твердо. И мы соответственным образом будем тогда так поступать».

Добавьте к этому реорганизацию ВЧК. Одно из последствий любой реформы административной организации (за исключением смены названия) – увольнение части сотрудников. К этому следует добавить, что в 1921 году значительное число опытных чекистов было мобилизовано на хозяйственную работу, в 1922 году – в Красную Армию, органы юстиции, уголовного розыска и милиции.

Хотя потеря кадров происходила не только из-за перевода на другие участки работы, но и в силу естественных причин: боевых потерь, заболеваний (в 1923 году здоровыми были признаны только 22 % чекистов; больными 1-й стадии – 53 %; больными 2-й стадии – 22 %). Среди «профессиональных» заболеваний наиболее распространенными были: неврастения, туберкулез легких, малокровие, расстройство сердечной деятельности, переутомление и т. п. И это легко объяснимо. Ведь сотрудникам ВЧК-ГПУ приходилось трудиться без выходных и отпусков! Право на отпуск сотрудники ГПУ получили только в 1923 году, и лишь те, которые «прослужили не менее 5,5 месяцев без перерыва».

Было бы неправильно утверждать, что политическое руководство страны не обращало внимания на нужды ВЧК-ГПУ. Этот вопрос регулярно обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК: 6 сентября 1921 года – просьба ВЧК ассигновать в ее распоряжение золотую валюту для обмундирования войск пограничной охраны; 3 ноября 1921 года – о пайках для ВЧК, 16 февраля 1922 года – об отпуске обмундирования ВЧК; 1 марта 1922 года – о вещевом довольствии сотрудников ГПУ; 18 мая 1922 года – о материальном положении работников ГПУ; 1 ноября 1923 года – об улучшении быта сотрудников пограничных отделений ГПУ³⁵.

И в таких нечеловеческих условиях четырнадцатилетний Павел Анатольевич Судоплатов занимался в Особом отделе дивизии, а затем в Особом отделе Волынского губернского отдела ГПУ в Житомире, различной технической работой. Был письмоводителем, регистратором, машинистом-систематизатором, но иногда его привлекали и к боевой чекистской работе³⁶.

³⁵ Плеханов А. ВЧК-ОГПУ. 1921-1928 годы. – М., 2003. – С. 206–208.

³⁶ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. – М., 1996. – С. 12–13.

Пограничник

Поздней осенью 1922 года Павла Анатольевича Судоплатова перевели служить в Отдельный пограничный корпус войск ГПУ. Сначала он находился в уездном погранотделении города Изяславля, а затем на Славутинском погранпосту.

Время было тревожное. На границе продолжались стычки с остатками разгромленных банд, шла охота за контрабандистами и польскими лазутчиками. Кроме этого, пограничники Волыни имели непосредственное отношение к развернувшейся на территории соседней Польши партизанской борьбе коммунистических повстанцев против польских властей. Напомним, что после окончания советско-польской войны 1920 года и подписания 18 марта 1921 года Рижского мирного договора в состав Польши вошли западные районы Украины и Белоруссии. На этих территориях начался процесс насильственной полонизации, закрывались украинские и белорусские школы, православные храмы, всячески третировались украинский и белорусский язык и культура.

Помимо этого польские правящие круги продолжали строить дальнейшие планы по созданию «великой Польши от моря до моря» путем насильственного присоединения соседних земель, прежде всего из состава страны Советов.

В данной ситуации Советская Россия, жестоко ослабленная в ходе многолетней гражданской войны, могла противопоставить потенциальному агрессору только одно средство – дестабилизацию обстановки в самой Польше³⁷.

Для этой цели с апреля 1921 года Разведупр начал переброску на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, отошедших к Речи Посполитой, вооруженных диверсионных групп. Основная их задача заключалась в организации массового сопротивления польским властям. Предполагалось, что проникшие в восточные воеводства отряды станут ядром мощного партизанского движения на белорусских и украинских землях. В результате последние будут под каким-либо удобным предлогом отторгнуты от Польши. Столь специфичной для мирного времени деятельностью занималось Разведуправление Штаба РККА. Оно не только подбирало людей, снабжало их всем необходимым, но и координировало их деятельность на территории иностранного государства: нападение на полицейские посты, ограбление пассажирских поездов, разгром помещичьих усадеб, организация митингов и т. п.

В качестве примера кратко расскажем о боевых успехах активно действовавшего в Полесье отряда Кирилла Прокофьевича Орловского. Только с мая по июнь 1922 года этим диверсионным подразделением был уничтожен один железнодорожный и два деревянных моста, захвачен обоз противника количеством 60 подвод и было убито не меньше 200 человек белополяков. С 1922 по 1925 год на территории Западной Белоруссии Кириллом Орловским в качестве организатора и командира партизанского отряда было проведено несколько десятков боевых операций, в числе которых: захват двух железнодорожных станций, трех местечек, уничтожение нескольких помещичьих имений³⁸.

Не менее успешно действовал отряд под командованием Станислава Алексеевича Ваупшасова. Например, в ночь с 3 на 4 августа 1924 года 58 боевиков под его руководством провели знаменитую Столбцовскую операцию, звучное эхо которой прокатилось по всей Польше. Партизаны разгромили гарнизон уездного города, железнодорожную станцию, а заодно староство, поветовое управление полиции, городской полицейский участок, захватили тюрьму и освободи-

³⁷ Стечкин В. Павел Судоплатов – терминатор Сталина. – М., 2005. – С. 69–70.

³⁸ Шульгин Э. Диверсанты страны Советов против режима Пилсудского. // Независимое военное обозрение, 2004 год, 17 сентября.

дили руководителя военной организации Компартии Польши Стефана Скульского (Мертенса) и руководителя Компартии Западной Белоруссии Павла Корчика.

Официальные отчеты польских правоохранительных органов об «инциденте» в Столбцах рельефно отражают тот смертельный ужас, который внушали защитникам панского порядка красные мстители. Несколько характерных цитат: «Полицейский Шевчик упал на пол и приотворился убитым»; «в конюшне было трое полицейских, из которых двое спрятались в сене, а третий по требованию партизан вывел семь полицейских лошадей»; «дежурный полицейский Ян Нога спрятался в коридоре за дверью». Через несколько часов после партизанского налета в город вошли регулярные воинские части: пехота, артиллерия, броневики. В уезде было введено осадное положение³⁹.

Во время Великой Отечественной войны несколько командиров и бойцов диверсионных формирований, действовавших в двадцатые годы XX века по линии «активной разведки», руководили спецотрядами Четвертого Управления НКВД-НКГБ СССР. Достаточно назвать имена Героев Советского Союза: Станислав Алексеевич Ваупшасов (с марта 1942 года – начальник оперативной группы под Минском, командир партизанского отряда специального назначения «Местные», в 1943–1944 годах возглавлял партизанскую сеть под Минском, член подпольного обкома ВКП(б); считался одним из крупнейших специалистов по террористическим и диверсионным операциям), Александр Маркович Рабцевич (с июля 1942 года и до полного освобождения Белоруссии – командир партизанского отряда особого назначения «Храбрцы»), уже упоминавшийся выше Кирилл Прокофьевич Орловский (командир партизанского отряда специального назначения «Соколы») и другие. Все они получили бесценный опыт разведывательно-диверсионной работы в первой половине двадцатых годов прошлого века.

А сам Павел Анатольевич Судоплатов никакого отношения к мероприятиям, проводимым военными по линии «активной разведки», не имел. Деятельность Разведупра в этой сфере была законспирирована очень тщательно, и о ней не знали даже «соседи» (под этим термином в мире отечественных спецслужб подразумевались чекисты)⁴⁰. Его участие могло иметь место лишь в организации «окон» на советско-польской границе, необходимых для переброски отрядов и их возвращения домой. И кто знает, может быть, в 1942–1943 годах, но уже не рядовым пограничником, а старшим майором госбезопасности – начальником Четвертого Управления НКВД-НКГБ СССР, он вновь, как и двадцать лет назад, провожал в тыл противника и встречал после возвращения с задания тех же людей.

Это не значит, что главный герой нашей книги в 1922–1923 годах не участвовал в «тайной войне». Справедливости ради отметим, что и сотрудники Второго (разведывательного) отдела польского Генштаба также занимались формированием и вооружением антисоветских отрядов, засылкой их на советскую территорию. Как говорится, две разведки вели тайную войну по принципу «око за око, зуб за зуб»⁴¹. Соответственно, советским пограничникам приходилось регулярно сражаться с этими бандами. Возможно, в операциях по ликвидации участвовал и Павел Анатольевич Судоплатов.

³⁹ Срибненко И. Люди из нержавеющей стали. // Рабочий класс, 2005 год, июль, № 27(274).

⁴⁰ Горбунов Е. Активная разведка, переходящая в бандитизм. // Независимая военная газета, 2005 год, 9 сентября.

⁴¹ Горбунов Е. Активная разведка, переходящая в бандитизм. // Независимая военная газета, 2005 год, 9 сентября.

Мирная передышка

В сентябре 1923 года главный герой нашей книги демобилизовался из армии. Мотивов этого поступка было множество. Он не только устал от постоянного участия в боевых действиях и материальной неустроенности, но и хотел быть ближе к семье.

В те годы из органов госбезопасности увольнялись многие. В письме Северо-Кавказского крайкома РКП(б) на имя управляющего делами ВЧК Генриха Григорьевича Ягоды отмечалось:

«В результате дороговизны, полной необеспеченности, максимальной нагрузки и ничем не нормированного труда наблюдается тяга на другую работу, стремление вовсе уйти с работы в органах ОГПУ. Это стремление объективно маскируется различными доводами – болезнью, переутомлением, отсталостью, необходимостью продлить образование и пр. Но корни его в действительности кроются в материальной необеспеченности»⁴².

Фронтovика с прекрасной анкетой (пролетарское происхождение, отсутствие родственников, служивших в царской и белой армиях) руководство комсомольской организации Мелитополя заметило и сразу же назначило на руководящие должности: заведующим отделом окружного отдела КСМУ (коммунистический союз молодежи Украины), членом правления и комендантом Клуба рабочей молодежи. Доверие руководства он оправдал, и в 1924 году его избрали секретарем ячейки ЛКСМ села Ново-Григорьевка Генического района. Хотя на селе он проработал недолго. В том же году поступил учеником слесаря на завод им. В. В. Воровского (бывшие механические мастерские Гольца), одновременно возглавил комсомольскую организацию завода. И здесь он находился непродолжительное время. Следующее место работы – практикант в Мелитопольском рабпотребсоюзе. И здесь он проработал недолго. В феврале 1925 года окружком комсомола направил Павла Анатольевича Судоплатова на работу в органы ОГПУ.

⁴² Плеханов А. ВЧК-ОГПУ. 1921–1928 годы. – М., 2003. – С. 209.

Глава 3. На службе в Украинском ГПУ

«В феврале 1925 года окружном ВЛКСМ направил П. А. Судоплатова на работу в органы госбезопасности...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.